

ОКОПНАЯ ПРАВДА

РОМАНЫ, НАПИСАННЫЕ ВНУКАМИ ФРОНТОВИКОВ

СЕРГЕЙ ЗВЕРЕВ

РЖЕВСКОЕ ПЕКЛО

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
3-43

Иллюстрация на переплете *Алексея Дурасова*

Зверев, Сергей Иванович.
3-43 Ржевское пекло / Сергей Зверев. — Москва :
Эксмо, 2025. — 320 с. — (Окопная правда Победы.
Романы, написанные внуками фронтовиков).

ISBN 978-5-04-226235-7

1942 год. В районе Ржева идут кровопролитные бои. На одном из участков фронта советское командование решает провести разведку боем. Костяк группы составляют танкисты лейтенанта Алексея Соколова, опытного командира, прошедшего со своим экипажем самое пекло войны. Отряд уходит в разведку и обнаруживает, что на линии фронта немцев нет. Враг организованно отступил, оставив лишь небольшое прикрытие. Нужно срочно сообщить в штаб, но по пути к своим посыльный погибает. Танкисты понимают, что они попали в окружение, вырваться из которого шансов почти нет...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-226235-7

© Зверев С.И., 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ГЛАВА 1

Снег потемнел от копоти. Горели машины, дома, стога, стоявшие в степи и припорошенные снегом. Черными язвами вывороченной земли дымились многочисленные воронки.

Танковая рота лейтенанта Соколова вырвалась вперед и пошла на Васильевку со стороны Лосиной Балки. Боевые машины завершили обходной маневр и вместе со стрелковым батальоном атаковали сильно укрепленный узел обороны немцев. Приказ был лаконичен — взять Васильевку до темноты.

Позиции врага в селе намертво перекрывали единственную рокаду, по которой была возможна переброска войск. Еще в районе Васильевки находилась узловая станция, от которой отходили железнодорожные ветки на Ростов, Воронеж, Сталинград, Тамбов. Пока существовал гитлеровский узел обороны в Васильевке, советское командование не могло оперативно использовать войсковые резервы, а немцы имели возможность осуществлять доставку боеприпасов, горюче-смазочных материалов и тех-

ники. Еще сутки задержки, и прорыв войск вновь сформированного Юго-Западного фронта на этом участке захлебнется.

Рота развернулась для атаки и с десантом на борту и на волокушах двинулась по чистому полю к селу. Танкисты сразу ударили из пушек и пулеметов, пытались нащупать огневые точки, вскрыть систему обороны врага на этом участке. Минных полей с этой стороны, скорее всего, не было. Еще вчера разведка засекала беспорядочное движение немцев, отходящих к Васильевке по этому полю. Танки били по стогам, по подозрительным сараям и кучам снега, которые могли скрывать доты и дзоты. Но гитлеровцы не отвечали.

Соколов слышал по внутренней связи, как ругался Бабенко за рычагами командирской машины:

— Чтоб вам на том свете икалось! Что ж вы не стреляете, вражины? Сидишь тут как попугай в тире на жердочке.

Соколов понимал своего механика-водителя. От того в бою зависело очень многое, включая выполнение боевой задачи и жизнь экипажа. Сейчас, пока танки шли с десантом, Бабенко не мог маневрировать. В бою командир танка отдает приказ об общем направлении движения. Конкретный путь выбирает механик-водитель. Более того, во время атаки он ведет танк зигзагами, через каждые полсотни ме-

тров меняет направление, чтобы враг не мог вести по машине прицельный огонь, определяет маршрут, на котором не было бы необходимости сбрасывать скорость.

Этот человек каждую минуту ждет команды «короткая». Это значит, что появилась цель, которую нужно срочно поразить.

Угол наклона ствола танковой пушки ограничен. По горизонтали ее поворачивать приходится только вместе с башней. Руки наводчика во время боя работают очень энергично, вращают одновременно два маховика. Механик-водитель должен остановить машину так, чтобы наводчик смог прицелиться как можно скорее. После выстрела механик-водитель должен очень быстро тронуться с места. Неподвижный танк представляет собой прекрасную мишень для врага.

Сейчас Бабенко понимал всю собственную беспомощность, но ругаться ему пришлось совсем недолго. Немецкая оборона вдруг обрушила на советские танки и пехоту такой шквал огня, что видимость мгновенно упала. В небо взметнулись сполохи огня от разрывов снарядов, взлетела черная земля, степь наполнилась дымом и угарной копотью. Сухой снег поднялся в воздух и повис белесым слепым туманом между темными разрывами.

Соколов открыл верхний люк и высунулся из башни по пояс, прикрываясь крышкой. Десант по-

кинул танк, сзади болталась пустая волокуша, которую пехотинцы почему-то не отцепили. Другие машины Соколов видел плохо. Они мелькали в дыму и в сполохах разрывов. Десантников на броне не было.

— Внимание всем, я «Зверобой»! — прижимая пальцами ларингофоны к горлу, крикнул лейтенант. — Сбавить скорость, подавлять огневые точки. Пехота залегла. Приказываю ждать десант!

Соколов закрутился в люке, пытаясь разглядеть, где батальон. Если пехота прижата огнем и залегла, то одной ротой танков атаковать такой укрепленный населенный пункт будет как минимум глупо. Такая попытка приведет к потере всей техники и невыполнению боевой задачи.

Снаряд грохнул совсем близко. Взрывная волна ударила по крышке люка, которая чуть было не прихлопнула лейтенанта. «Зверобой» сразу остановился. Соколов похолодел. Неужели подбили?

Он переключился на внутреннюю связь через танковое переговорное устройство и сразу услышал в головных телефонах голос Бабенко:

— Дорожка!

Это сообщение механика-водителя говорило наводчику о том, что начинается ровный участок пути, где раскачивания корпуса будут минимальными. Сейчас появится возможность произвести прицель-

ный выстрел. Танк продолжал движение на скорости почти в тридцать километров в час.

Сейчас!.. Соколов стиснул зубы.

Старшина Логунов не подвел, умудрился поймать цель на третьем легком покачивании корпуса.

— Выстрел! — раздался голос наводчика.

Тут же звонко ударила пушка, из люка потянуло вонью сгоревшего заряда, зажужжал вытяжной вентилятор. Другие танки роты тоже открыли огонь по огненным точкам врага.

Пехота поднялась и пошла вперед.

Соколов, собравшийся выбираться из люка, чтобы гнать батальон в атаку, облегченно выдохнул.

Среди разрывов нарастал гул двух сотен голосов. «Ура!» — неслось над полем. От этого единодушного крика на душе у лейтенанта становилось спокойнее. Три стрелковых роты неполного состава атаковали фашистов, прикрываясь танками.

Соколов увидел, как закрутилась на месте «тридцатьчетверка» с перебитой гусеницей. Резко вильнул в сторону другой танк, прикрывая собрата, давая возможность экипажу исправить повреждение.

Грянул выстрел, за ним другой. Танковые пушки без передышки били осколочно-фугасными снарядами. Интенсивность встречного огня заметно спала.

Черт возьми! Справа дымила «тридцатьчетверка». Члены экипажа вытаскивали товарища из переднего люка.

— «Двойка», «Четверка», я «Зверобой», — крикнул по радиации лейтенант. — Закрывать правый фланг, подавить пулеметы!

Пехота несколько раз ложилась, но снова поднималась. С каждым разом все больше неподвижных тел оставалось на грязном закопченном снегу.

Танки маневрировали, били прямой наводкой по огневым точкам. До крайних домов оставалось всего несколько десятков метров, когда, ломая гусеницами плетёный тын, слева стали выползать немецкие Т-IV. Один, второй, третий.

— Внимание всем, я «Зверобой»! Танки противника! Захарченко, «Пятерка», они к тебе в бок заходят! Разворачивайся немедленно!

Логунов развернул башню и сразу выстрелил. На сей раз старшина поторопился. Немецкий танк в этот момент остановился и тоже стал разворачивать башню в сторону советской машины. Снаряд «Зверобоя» снес два бревна крайнего дома, и крыша осела. Немца засыпал сухой мусор.

— Короткая! — раздраженно крикнул наводчик.

Бабенко провел танк еще на несколько метров вперед, до ровной площадки. «Зверобой» снова замер на месте, лишь чуть покачивался на пружинных

амортизаторах вперед и назад. Немецкий танк довернул свое орудие.

— Бронебойным! — послышалось в наушниках.

— Есть бронебойным! — отозвался заряжающий Коля Бочкин.

Время замерло, стало вязким и мучительно тревожным. Кто выстрелит первым? Не промазать!

Логунов опередил врага. Орудие «Зверобоя» звонко выплонуло болванку. Из-под башни немецкого танка тут же полетели густые снопы искр. С расстояния в пятьдесят метров бронебойный семидесятишестимиллиметровый снаряд насквозь прошибает даже лобовую броню Т-IV. Тут же кто-то всадил второй снаряд немецкому танку в корму в районе двигателя. Полыхнула вспышка, в небо взметнулся язык пламени и черный шлейф копоти.

— Успел, молодец, Василий Иванович! — выкрикнул Соколов и переключился на радиосвязь. — Всем вперед! Внимание, в селе танки. Пропускать пехоту вперед!

«Тридцатьчетверки» рванули в село, ломая заборы, бревенчатые перекрытия огневых точек, шаткие строения.

Треск автоматов стал громче, начали рваться гранаты. Бой шел за каждый дом. В небо взлетели две зеленые ракеты. Командир стрелкового батальона

показал, что зацепился за крайние дома. Это значило, что сейчас усилится нажим и со стороны шоссе, в бой пойдут основные силы. Немцам не удержаться.

Соколов повернул голову, хотел убедиться в том, что вся его рота вошла в населенный пункт и пехота не отстает от нее. Ствол пушки немецкого танка, торчавший из-за дальнего дома, он заметил лишь в тот момент, когда из него вырвалось пламя. Удар пришелся в моторный отсек, и «Зверобой» сразу встал, будто наткнулся на стену.

Лейтенант так стукнулся головой о край люка, что из глаз его полетели искры. Хорошо, что удар смягчил мягкий валик на шлемофоне.

Двигатель не работал. Башня разворачивалась в сторону врага. Но тут Соколов ощутил второй удар болванки. Снаряд угодил под самую башню и заклинил ее. Где-то рядом матерился Логунов, кричал, что не может повернуть башню. Бабенко, судя по всему, пытался растормошить Омаева и привести его в себя. Видимо, чеченец был ранен или просто оглушен.

— Всем покинуть машину! — приказал Соколов и тут же в страхе почувствовал, что его голос стал каким-то слабым.

Члены экипажа могли не услышать командира, а без его распоряжения танк никто из них не покинет.

Алексей проснулся в холодном поту на госпитальной койке и закрутил головой, глядя по сторонам. Нет, тот бой ему снова просто приснился, а темнота потому, что ночь. Лейтенант откинулся на подушку, вытер правой рукой с лица липкий пот.

Да, именно так тогда все и было. Он не справился, потерял танк и едва не погубил ребят. Хорошо еще, что Логунов действовал правильно. Он ведь не только наводчик орудия, но по уставу еще и командир танка. А «Зверобой» — всего лишь командирская машина. Если бы Логунов не продублировал приказ лейтенанта, то все сгорели бы в машине.

Соколов лежал, глядя в потолок, и вспоминал, как снизу в люке показалась безжизненно мотающаяся голова Коли Бочкина. Заряжающий был оглушен и еле шевелился, но Василий Иванович сумел подтащить его к люку и подать командиру. Соколов вытащил ефрейтора, потом помог самому Логунову, который был ранен и истратил остатки сил, спасая заряжающего. Потом они с механиком-водителем доставали Омаева, куртка на спине которого была в огне. От попадания последнего снаряда дизельное топливо разлилось и загорелось.

Что было потом, Соколов не помнил. Кажется, Бабенко тушил машину, а он сам стрелял из «нагана» в немцев, прикрывал своим телом раненых товари-

щей. Его левая рука онемела, в ней жарко пульсировала кровь. Потом рядом грохнул взрыв.

— Что, браток, не спится? — На соседней койке заворочался капитан-артиллерист. — Вот и я никак глаз не сомкну. Тебе еще лежать и лежать, а мне завтра на комиссию, выписываться. Тоже, понимаешь, сон не идет! — Капитан поднялся, накинул на плечи больничный халат и, тихо шаркая ногами в брезентовых шлепанцах, направился в туалет.

Алексей лежал и думал о том, что этого офицера завтра выпишут, он снова отправится сражаться с врагом, защищать Родину. А что ждет самого Соколова с двумя оторванными пальцами на левой кисти?

Комиссуют! Ответ, увы, был однозначным.

Но больше всего Алексея жгло осознание того факта, что он по своей вине оказался в госпитале. Из-за его ошибок пострадал экипаж.

Алексей вздохнул, поднялся с кровати, кое-как, одной рукой, накинул на плечи халат и побрел к двери. Надо было походить, замерзнуть, а потом лечь в кровать и согреться. Тогда он сможет уснуть. Не было у него никакой мочи лежать и погружаться в эти мысли о своей виновности, о комиссовании.

— Чего бродишь как тень? — В коридор вышел капитан Изюмцев, зябко запахивая халат. — Давай покурим, что ли, танкист?

— Ты же знаешь, что я не курю, — вяло отозвался Соколов.

— Эх, танкист, — Изюмцев усмехнулся и поскреб щетину на подбородке. — Вроде и воюешь с первого дня, и хлебнул жизни фронтовой, а не знаешь простых вещей. Покурить или посидеть за выпивкой — это не ради употребления табака и водки, а для общения. Это, Леха, обстановочка для удобства излияния души. Вижу, что ты маешься, места себе не находишь.

— Рука ноет так, что сил никаких нет, — угрюмо отозвался Соколов, поглаживая забинтованную кисть.

— Мне-то ты соврать можешь, но себя не обманывай. Это паскудное дело. Так далеко можно зайти. Пойдем-ка!

Алексей послушно пошел за капитаном к окну, встал, прислонился плечом к стене, стал смотреть на улицу за окном. Там тихо и спокойно шел снег. От этого на душе у лейтенанта становилось еще более мутно. Лучше бы пурга была, ветер хлестал.

Изюмцев закурил, затянулся папиросой, с шумом выпустил струю дыма в сторону форточки.

— Знаешь, вот так всегда, с самого начала войны, — заговорил он. — Когда бой, то работаешь спокойно, даже восторг какой-то в душе поднимается. Правильные решения в голове сами собой появля-

ются, как из учебника выскакивают. А перед боем мандраж! Главное, не за себя. Я боюсь не погибнуть, а боевую задачу не выполнить, подвести командира, людей бездарно потерять, матчасть. Ты вот сберег своих. Они ранены, обожжены, однако в госпитале лежат, лечатся и жить будут. Молодец, честь тебе и хвала как командиру!

— Молодец, — угрюмо повторил Соколов. — Я в том последнем бою четыре машины потерял из своей роты, два экипажа сгорели.

— А можно было иначе поступить? — тут же спросил Изюмцев. — Ты сделал бы по-другому, если бы тебе дали возможность все назад отыграть? Нет? Вот то-то и оно! Долго нам с тобой это все на душе нести. За солдат своих, за весь народ. Каждый неверный шаг, любая наша ошибка, просчет в бою приводят к новым смертям. Гибнут люди, которые могли бы жить. Нам с тобой после войны в глаза их матерям, женам и детям смотреть. Они спросят нас, как мы их сыновей, мужей и отцов на смерть посылали.

— Мне это уже не грозит. — Соколов приподнял туго перебинтованную руку и показал ее собеседнику. — Отвоевался я. В лучшем случае пацанов буду в Осоавиахиме учить противогазы надевать, распознавать сигналы воздушной и химической тревоги, создавать группы самозащиты.

— А даже если и так! — Капитан со злостью раздавил окурок в консервной банке, стоявшей на подоконнике. — И там фронт! У нас везде война, браток. А у тебя пальцы на правой целы, стрелять можешь. Значит, рвись в бой, просись, требуй перемотра. Ты командир, для тебя главное, чтобы глаза были целы, голова! — Изюмцев замолчал, похлопал танкиста по плечу и ушел в палату.

Алексей продолжал стоять у окна и смотреть на улицу.

«Да, голова», — думал он о словах капитана-артиллериста.

Соколова терзали воспоминания о том, как он не заметил в дыму танк, который их подбил. Из-за него пострадали ребята, сам он теперь может оказаться негодным к строевой службе. Душа рвалась воевать, бить врага. Он хотел как можно скорее сокрушить огнем и гусеницами ненавистного врага и вместе со своей ротой ворваться в белорусский город Мосток.

Потом, когда кончится бой, Алексей увидит Олю. Она будет идти к нему по разбитой улице. Пусть так же, как и тогда, в старых кирзовых сапогах, слишком больших для нее, в отцовском ватнике. Любимая, самая красивая. Он не заметит ни сапог, ни ватника, будет видеть только ее глаза.

— Служивый, шел бы ты в палату, — слышался голос старой нянечки тети Маруси. — Рука не зажи-

ла, лихорадку подхватишь. Чего стоишь на холоде? Или болит так, что терпежа никакого нет? Доктора позвать?

— Нет, тетя Маруся. — Алексей покачал головой и грустно улыбнулся. — Болит не здесь.

— Понятно, дело молодое, — нянечка кивнула и сразу стала похожей на добрую деревенскую бабуску. — Зазноба в сердце! Но ты иди, ложись. Тебе выздоравливать нужно, сынок.

До войны Семен Бабенко работал инженером-испытателем в Харькове, участвовал в создании и испытании нового танка Т-34. Вот уже второй год он воевал, служил в строевых частях механиком-водителем, но все равно оставался сугубо гражданским человеком. Экипаж давно привык к этому. Да и командир танка старшина Логунов махнул рукой на невоенные особенности своего подчиненного, на то, что никак из Бабенко не получается подтянутый и бравый танкист. Получив приказ, он по-прежнему с улыбкой отвечал: «Хорошо».

Почти с первого дня, когда они стали одним экипажем, Семен Михайлович за всеми ухаживал как старший товарищ, если не отец. Молодым, вечно голодным Омаеву и Бочкину он подкладывал щей или каши из своей порции, добавлял им в чай сахар

из собственных запасов. Бабенко старался получше укрыть спящих товарищей, расспрашивал о делах дома, очень искренне и тепло выслушивал их рассказы.

Душевным человеком был Бабенко, но надо сказать, что в деле ему не было равных. Экипаж «Зверобоя», за рычагами которого сидел Семен Михайлович, мог положиться на него в любом бою.

Вот и теперь в Саратовском эвакогоспитале номер 3309 Бабенко ухаживал за ребятами с таким желанием и энергией, что лейтенант Соколов никак не мог сердиться на механика-водителя своей командирской машины. Алексей знал, что Бабенко сдружился с завхозом госпиталя, помог ему разобраться с системой парового отопления здания, починить ее, да еще и трансформатор перебрал. За это завхоз выпускал Бабенко в город, снабжал его увольнительными записками. Патрулей на улицах было много.

Линия фронта проходила чуть ли не в пятистах километрах к западу, под Воронежем. Но в Саратове было много госпиталей и военных заводов. Волга служила важной транспортной артерией, рокадой для Красной армии, а железнодорожный мост был важнейшим стратегическим объектом. Через него с востока на фронт шли эшелоны с войсками, техникой, боеприпасами, снаряжением и всем, что нужно было армии.

Этот базар, расположенный недалеко от Волги, самый ближний к госпиталю, саратовцы по старинке называли Пешкой. На трамвае или с грузовичком, который возил белье из госпиталя, Бабенко доезжал до Соляной улицы, а потом шел по рядам. Сегодня он хотел купить Руслану Омаеву теплые носки. Чеченец выздоравливал медленно, да и досталось ему в последнем бою сильнее, чем другим. Ожогов много. Двигаться он пока не мог.

Ребятам тоже надо было купить чего-нибудь вкусного. Дорого все на базаре, да сержанту Бабенко свои деньги посылать было некому.

Многие военные отправляли свое жалованье семьям. На фронте его тратить было не на что. Когда части отправлялись на переформирование, можно было в выездном военторге чего-то прикупить для души. В любом городе работали магазины и рынки. Но когда ты месяцами на передовой, в чистом поле и населенных пунктах, разрушенных до основания, тогда и самого простого не купишь.

— Семен, — послышался рядом женский голос.

Бабенко с готовностью обернулся. В глубине души он надеялся снова встретить на базаре ту самую женщину, которой помог три дня назад донести до дома картошку. У нее тогда порвалась сетка-авоська, и она заплакала, не зная, как ей управиться